

НАСТОЯЩЕЕ

Ноябрь 1997 года

Слова излишни.

Он обнял ее, и когда она обняла его в ответ, перед ее мысленным взором пронеслась вся его жизнь: вот ему пять лет — он белокурый мальчик; вот одиннадцать — угловатый подросток, растущий не по дням, а по часам; вот тринадцать — настоящие мужские руки. На черном небе показалась луна. Она вдохнула аромат его кожи.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

Он нежно прикоснулся к ней губами, и она решила, что это ей только почудилось. Она слегка отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза.

И тут прозвучал выстрел.

Несмотря на то что обычно никто специально его не заказывал, столик в самом углу китайского ресторанчика «Счастливая семья» по пятницам всегда оставался за Хартами и Голдами, которые с незапамятных времен ужинали именно здесь. Когда-то давно они приводили с собой детей: тогда в укромном уголке ставились детские стульчики для кормления, доставались упаковки с подгузниками, и официантам, подававшим горячие блюда, с трудом удавалось лавировать между этими нагромождениями предметов. Теперь они приходили вчетвером, в шесть вечера врываясь друг за другом в зал ресторана, словно их влекло некое притяжение.

Первым пришел Джеймс Харт. Днем у него была операция, и закончил он на удивление рано. Он взял лежавшие на столе палочки для еды, снял бумажную упаковку и зажал их между пальцами, словно хирургические инструменты.

— Привет! — У столика возникла Мэлани Голд. — Вижу, что не опоздала.

— Не опоздала, — ответил Джеймс. — Остальных пока нет.

— Да неужели? — Она сняла куртку и, свернув, положила ее за спину. — Мне так хотелось прийти вовремя. Похоже, я постоянно опаздываю.

— По-моему, — задумчиво сказал Джеймс, — ты никогда не опаздывала.

Их связывало одно — Августа Харт, Гас, но она еще не пришла. И они сидели, испытывая неловкость и пытаясь поддерживать беседу, потому что знали друг о друге очень личное, то, о чем не говорят открыто. Эти секреты Гас Харт выбалтывала мужу в постели, а Мэлани — за чашечкой кофе. Джеймс откашлялся, продолжая вертеть в руках китайские палочки.

— Что скажешь? — улыбнулся он Мэлани. — Может, бросить все к черту? И стать барабанщиком?

Мэлани зарделась — она всегда краснела, когда ее ставили в тупик. После стольких лет сидения за стойкой информатора, с которой она, можно сказать, срослась, она легко могла ответить на конкретный вопрос, но поддержать легкую беседу — увы. Если бы Джеймс спросил: «Какова численность населения в Аддис-Абебе?» либо «Можешь назвать точный состав химических реактивов в проявителе?» — она бы не покраснела, потому что ответ не мог обидеть собеседника. Но этот вопрос о барабаннике? Какого ответа он от нее ожидает?

— Тебе бы не понравилось, — ответила Мэлани, стараясь сохранять беспечный тон. — Нужно было бы отрастить длинные волосы и проколоть сосок. Или что-то вроде этого.

— А мне можно узнать, почему ты говоришь о проколотых сосках? — поинтересовался Майкл Голд, подходя к столику. Он наклонился и прикоснулся к плечу жены — легкое прикосновение, после стольких лет брака заменившее объятия.

— Не раскатывай губу, — осадила его Мэлани. — Это Джеймс хочет проколоть, не я.

Майкл засмеялся.

— Тогда тебя автоматически лишат права практиковать.

— Почему это? — нахмурился Джеймс. — Помнишь нобелевского лауреата, с которым мы познакомились прошлым летом в круизе на Аляску? У него в брови была серьга.

— Вот именно, — согласился Майкл. — Чтобы сочинить стихотворение, состоящее из одних бранных слов, не обязательно иметь высокие награды.

Он встряхнул салфетку и положил ее на колени.

— Где Гас?

Джеймс взглянул на часы. Он жил по часам, Гас же вообще не следила за временем. Это ужасно его злило.

— Кажется, она должна была отвезти Кейт к подружке, с ночевкой.

— Ты сделал заказ? — спросил Майкл.

— У нас всегда заказывает Гас, — нашел отговорку Джеймс.

Обычно первой приходила Гас, именно благодаря ей ужин, как и все остальное, проходил гладко.

Словно в ответ на слова мужа в ресторанчик стремительно влетела Августа Харт.

— Боже, я опоздала! — воскликнула она, одной рукой расстегивая пальто. — Вы не представляете, что сегодня был за день.

Все приготовились выслушать одну из ее обычных историй, но вместо этого Гас подозвала официанта.

— Как обычно! — распорядилась она, широко улыбаясь.

Как обычно? Мэлани, Майкл и Джеймс переглянулись. Неужели все так просто?

Гас была профессиональной «палочкой-выручалочкой», не той, которая дает в долг, а человеком, готовым потратить собственное время, чтобы это не пришлось делать другим. К этому ее склонили вечно занятые американцы — «Сохраню ваше время» — не желавшие стоять в очередях в автоинспекцию или сидеть целый день дома в ожидании телемастера.

Она попыталась пригладить свои вьющиеся рыжие волосы.

— Сначала, — сказала она, зажав в зубах резинку для волос, — я целое утро провела в автоинспекции, что уже само по себе ужасно. — Она попыталась собрать волосы в пучок — легче усмирить электрический ток! — и подняла глаза. — И вот подходит моя

очередь — ну, знаете, я уже возле этого окошка — и у чиновника, клянусь Всевышним, случается сердечный приступ. Он умирает прямо на полу канцелярии.

— Какой ужас! — выдыхает Мэлани.

— Да уж. Особенно учитывая то, что они закрыли окошко и мне пришлось снова становиться в очередь.

— Сверхурочные часы, — заметил Майкл.

— Не сегодня, — возразила Гас. — Еще раньше я на два часа записалась в Эксетер.

— В школу?

— Угу. У меня была встреча с мистером Джи Фоксхиллом, который оказался третьеклассником с лишними деньгами. Ему нужен был человек, который остался бы за него после уроков, отбыл, так сказать, наказание.

Джеймс засмеялся.

— Ловко!

— Стоит ли упоминать о том, что директор школы был настроен негативно и целый час читал мне лекцию о том, что взрослые должны быть более ответственными, хотя я сразу призналась, что понятия не имела о планах Фоксхилла. Потом, когда я ехала забирать Кейт после футбола, лопнуло колесо, а пока я поставила запаску и добралась до футбольного поля, она уже уехала в гости к Сьюзан.

— Гас, — перебила ее Мэлани. — Что случилось с инспектором?

— Ты сама поменяла колесо? — спросил Джеймс, словно не слыша вопроса Мэлани. — Впечатляет!

— Сама удивляюсь. Но на всякий случай сегодня вечером я хочу взять твою машину.

— Ты опять на работу?

Гас кивнула и улыбнулась официанту, принесшему их заказ.

— Мне нужно в кассу, за билетами на концерт группы «Металлика».

— Так что там с инспектором? — уже более настойчиво поинтересовалась Мэлани.

Все удивленно уставились на нее.

— Господи, Мэл! — воскликнула Гас. — Зачем же так орать?

Мэлани зарделась, и Гас тут же смягчилась.

— Честно признаться, я не знаю, что с ним стряслось, — призналась она. — Его забрала «скорая помощь».

Она положила себе на тарелку ло мэинь¹.

— Кстати, сегодня в мэрии я видела картину Эм.

— А что ты делала в мэрии? — удивился Джеймс.

Гас пожала плечами.

— Ходила посмотреть на картину Эм, — призналась она. — Кажется, что ее... нарисовал настоящий художник, эта позолоченная рама и большая голубая лента под ней... А вы надо мной потешались, когда я собирала все карандашные наброски, которые они с Крисом оставляли по всему нашему дому.

Мэлани улыбнулась.

— Мы смеялись, потому что ты уверяла, что когда выйдешь на пенсию, то будешь их продавать.

— Вот увидите, — заверила Гас. — В семнадцать — победитель окружного художественного конкурса, в двадцать один — открытие собственной выставки... Ей не будет и тридцати, как ее полотна будут украшать Музей современного искусства в Нью-Йорке. — Она потянулась к руке Джеймса и повернула к себе циферблат его часов. — У меня осталось пять минут.

Джеймс убрал руку со стола.

— Разве билетная касса в семь вечера работает?

— Она работает с семи утра, — ответила Гас. — Спальный мешок в машине. — Она зевнула. — Похоже, мне нужно сменить профессию. Заняться чем-то менее утомительным... например, податься в авиадиспетчеры или стать премьер-министром Израиля.

Она потянулась к блюду с цыплятами по-китайски и принялась заворачивать блины, передавая их по кругу.

— Как катаракта миссис Гринблатт? — рассеянно спросила она.

— Вылечили, — ответил Джеймс. — Вполне вероятно, что у нее восстановится стопроцентное зрение.

Мэлани вздохнула.

---

¹ Лапша из пшеничной муки; блюдо китайской кухни.

— Хочу восстановить зрение. Не могу себе представить — проснусь и буду все видеть.

— Тебе не нужна операция, — сказал Майкл.

— Почему? Я бы избавилась от контактных линз, к тому же я знаю отличного хирурга.

— Джеймс не мог бы тебя оперировать, — улыбнулась Гас. — Существует же некие этические нормы.

— Они не распространяются на виртуальную семью, — заметила Мэлани.

— А мне это нравится, — сказала Гас. — Виртуальная семья. Следует принять соответствующий закон... ну, как закон о гражданском браке. Если люди достаточно долго живут бок о бок, значит, они становятся родственниками.

Она проглотила блинчик и встала из-за стола.

— Уф, — сказала она, — ужин был просто великолепный!

— Ты не можешь вот так уйти, — сказала Мэлани и повернулась к парню, убирающему посуду, чтобы он принес печенье с предсказаниями. Когда он вернулся, она засунула несколько штук в карман Гас. — Держи. У билетных касс кафешек нет.

Майкл взял одно печенье и разломил.

— «Любовь — это дар, к которому нельзя относиться беспечно», — прочел он вслух.

— «Ты молод настолько, насколько себя ощущаешь», — прочел Джеймс свое предсказание. — Не слишком понятно.

Все посмотрели на Мэлани, но она прочла надпись на тоненькой полосочке и спрятала ее в карман. Она верила, что, если озвучить предсказание, хорошее никогда не сбудется.

Гас взяла еще одно печенье с тарелки и разломала.

— Только представьте, — засмеялась она, — у меня пустышка.

— Ничего нет? — удивился Майкл. — За это положен бесплатный обед.

— Посмотри на полу, Гас. Наверное, ты обронила. Разве бывает печенье с предсказаниями без предсказаний? — изумилась Мэлани.

Но ни на полу, ни под тарелкой, ни в складках пальто Гас бумажки не было. Она грустно покачала головой и подняла чашку с чаем.